
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РОССИЯН: ОПЫТ СОЧЕТАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ИССЛЕДОВАНИИ

А.С. Готлиб

(Самара)

Статья посвящена опыту сочетания качественной и количественной парадигмы в одном отдельно взятом исследовании. Описывается опыт использования типологического анализа как исследовательской стратегии для выделения типологических групп населения, различающихся уровнем социально-экономической адаптированности. Анализируется возможность нарративного интервью для выделения факторов, влияющих на успешность процесса социально-экономической адаптации. Описывается структура этих факторов.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация, типологический анализ, типобразующие признаки, качественная парадигма, нарративное интервью, “grounded theory”, код, фактор.

Сегодня, когда “страсти” по “качественной” социологии, кажется, улеглись в отечественной науке, а острота противостояния “качественников” и “количественников” в российском социологическом сообществе тоже понемногу сглаживается, наступает потребность во взвешенном подходе к выбору конкретной парадигмы в эмпирическом исследовании. Это не

означает, конечно, что использование методологии и методов “качественной” социологии становится беспроблемной зоной, как, впрочем, методологии и методов традиционной социологии, несмотря на существенную разницу в их “возрасте”.¹ Это означает лишь, что в российской социологии наступает период спокойного анализа познавательных возможностей этих двух полярных подходов: подвергаются научной рефлексии границы их использования, спектр познавательных задач, которые могут быть эффективно решены с их помощью, анализируется тактика применения “гибких” методов, ищутся алгоритмы обработки качественных данных и, прежде всего, алгоритмы восхождения от данных, “близких к опыту”, к данным, “далеким от опыта”, по выражению Гиртца.

Одним из проявлений такой “взвешенности” является здравая идея возможности сочетания двух полярных методологий в одном отдельно взятом исследовании [1, 2]. В отечественной социологии в последние годы появилось немало эмпирических исследований, представляющих собой такое сочетание **на разных этапах** одного исследования. При этом, как правило, на первом этапе используется “качественная методология” и, соответственно, “мягкие” методы, на втором - традиционная методология с соответствующими процедурами. Первый этап выступает неким расширенным вариантом “разведывательного” исследования, в то время как на втором этапе определяется мера выраженности “найденного”, выявленного на предыдущей стадии. Типичными примерами являются аксиобиографическая методика выявления ценностных ориентаций социальной группы Вардомацкого [3], а также достаточно новая методика анализа экономических стереотипов,

¹ Я полагаю, что отсчет “возраста” “качественной” социологии следует вести не с Чикагской школы, а с 60-х годов, когда английскими социологами Д.Силверменом, А.Сикурелом и др. была осознана и четко сформулирована “инаковость” этой парадигмы.

разработанная Ваниной О.Н. под руководством автора этой статьи [4]. В последней на первом этапе методом свободного интервью изучается структура и содержание стереотипов новых экономических групп, появившихся в постсоветской России: бедных, богатых, хозяев, наемных работников, безработных. На втором этапе определяется статистическая представленность выявленных “положительных” и “отрицательных” стереотипов этих групп в сознании россиян. Вместе с тем, очевидно, возможна и **другая логика** сочетания двух методологий, обусловленная, прежде всего, **другим сочетанием** целей и задач эмпирического исследования. В настоящей статье и представляется такая исследовательская стратегия, использованная нами в эмпирическом исследовании **процесса социально-экономической адаптации** россиян. Исследование было осуществлено в 1999 г. под руководством автора в Социологическом центре Самарского государственного университета.

Следует сказать, что эмпирическому изучению процесса адаптации в медленно, но все же меняющейся России, сегодня уделяется значительное внимание в социологической науке. Этому есть объяснение. Неумолкающие теоретические споры о путях трансформации российского социального пространства и направлении и целях этой трансформации не отвечают на главный вопрос: что же в действительности происходит с людьми в рамках кардинальных социо-экономических и политических преобразований в России?

В исследованиях российских социологов сделано уже немало интересного, вместе с тем, ряд методологических и методических проблем еще остается. Действительно, можно ли считать адаптацией “процесс социального и психологического освоения меняющегося типа целостной системы общественных отношений (адаптация к “новому строю”), как это делает Л. Гордон [5]. Другими словами, можно ли адаптироваться к тому, чего еще нет, ибо никакая **целостная** система общественных отношений еще

не вызрела в современной России, стоящей на перепутье. Специфика современного российского общества как раз и состоит в его переходности как особом специфическом состоянии, которое, с одной стороны, характеризуется **устойчивостью**, а с другой- **нестабильностью, неопределенностью** развития и содержит в самом себе различные варианты, возможные альтернативы развития.

В этой связи, определение, данное Л.Гордоном, скорее характеризует процесс принятия ценностей и норм, адекватных новым, нарождающимся социально-экономическим отношениям как некоей идеальной модели, реальный отпечаток которой лишь “проклевывается” в российской действительности, приобретая свои специфические черты. Сам же этот процесс психологического освоения иной системы ценностей есть, по нашему мнению, процесс “перестройки” сознания, который, обеспечивая “успешность” или “неуспешность” вхождения в новые социально-экономические условия, выступает скорее **фактором** адаптации, нежели теоретическим описанием взаимоприспособления личности и меняющейся социальной среды.

Методологически корректнее, по нашему представлению, **теоретически** описывая процесс адаптации, говорить о поведенческом и психологическом освоении индивидами того социального пространства, которое реально формируется сегодня во всей его внутренней противоречивости и обусловленности национальным, историческим и прочими контекстами.

Необходимо остановиться еще на одном моменте, важном для понимания **нашего подхода** к изучению процесса адаптации. Сегодня в большинстве эмпирических исследований этот процесс изучается как нерасчлененный, целостный, что верно и неверно одновременно.

Неверно, потому что различные составляющие социального пространства (например, политическая и экономическая) развиваются разнокачественно, разными темпами. С другой

стороны, и значимость этих сторон социальной реальности, и, прежде всего, значимость ценностей этих сфер для индивидов различна. Отсюда и различия в оценках, субъективной освоенности изменений, происходящих в них. Так, появившиеся в российском обществе политические свободы расцениваются как благо лишь теми, для кого свобода является значимой ценностью. Все остальные просто не замечают произошедших изменений. В связи с этим, методологически корректнее, на наш взгляд, изучать отдельные составляющие процесса адаптации: адаптацию к изменяющейся политической жизни российского общества, социально-экономическую адаптацию, досуговую и т.д.

В то же время, применительно к жизни отдельных конкретных индивидов, адаптация есть действительно целостный, нерасчлененный процесс поведенческого и субъективного освоения меняющейся действительности, в которой различные составляющие (выделенные лишь в теоретической схеме) тесно переплетены, взаимодействуют друг с другом, зачастую выступая компенсаторами друг друга. В познавательной модели эта целостность должна отражаться, по нашему мнению, в выделении так называемой **интегральной адаптации**, не сводимой к простой сумме отдельных составляющих процесса.

В данном исследовании изучалась **социально-экономическая адаптация** россиян и, прежде всего, адаптация в **социально-трудовой сфере**, как ее важнейшая составляющая, а также интегральная адаптация к меняющейся социальной реальности.

На первом классическом этапе нашего исследования был использован типологический анализ как определенная исследовательская стратегия. Цель его заключалась в проверке на эмпирическом уровне гипотезы о существовании выделенных в теоретическом анализе **определенных типологических групп** населения, различающихся по степени **включенности** в изучаемый адаптивный процесс.

Выбор именно такого познавательного средства был продиктован следующими соображениями.

- Во-первых, в российской социологии уже есть некоторое теоретическое осмысление процесса социально-экономической адаптации, необходимое для выдвижения объекта типологии, типобразующих признаков.
- Во-вторых, к моменту разработки методологии исследования у автора этой статьи и руководимой им исследовательской группы уже был за плечами собственный исследовательский опыт эмпирического анализа и теоретического осмысления этой проблемы.
- В-третьих, стратегия типологического анализа позволяет выделить типологические группы, которые могут выступать объектами для принятия определенных управленческих решений или, по крайней мере, ориентирами для них. Но именно в этом и состояла одна из целей предпринятого исследования: социальный заказ на исследование со стороны органов областной администрации Самары предполагал и определил прикладную, управленческую его направленность.

Объектом типологии как определенной совокупности свойств социальных объектов, “высвечивающих” типы социального явления [6, с. 34], в данном случае выступает **поведение индивидов** в резко меняющейся социально-трудовой сфере.

Следует сказать, что акцент на поведении при изучении меры “вписанности” тех или иных социальных групп населения в меняющуюся социальную сферу не является типичным для российских социологов. Скорее наоборот, абсолютное большинство эмпирических исследователей адаптации главный акцент делают на “субъективных” показателях: готовности получить новую профессию, сменить работу, повышать квалификацию, удовлетворенности новой работой, отношении к частной собственности и другим новым социальным институтам, появившимся в российском постсоветском экономическом пространстве. Вместе с тем, по нашему мнению, и тут мы согласны с Л.В.Корель [7, с. 26], существуют определенные различия в адаптациях в

эволюционных и бифуркационных средах, связанные с последовательностью преобразовательных процессов. Опыт исследования этой проблемы, а также личный экзистенциальный опыт “проживания” и “переживания” изучаемой реальности показывает, что в бифуркационных средах (а современная социально-экономическая среда именно такова) адаптирующиеся субъекты под воздействием обстоятельств прежде всего **поведенчески** реагируют на изменение среды. В то же время социальные установки, стереотипы, ценностные представления сохраняются прежними еще относительно долгое время.

В рамках **данного подхода** рассматривалось адаптивное поведение не как внешне наблюдаемые формы деятельности, а шире- как **процесс** поведенческого освоения резко меняющейся среды, то есть практически как **деятельность** по “выживанию” в ней. Известно, что деятельность, рассматриваемая как процесс, может быть представлена тремя своими составляющими: целью, средством, результатом. В этом контексте объектом типологии, необходимым для выделения типобразующих признаков, в нашем исследовании выступали цель, средства и результат адаптивной деятельности индивидов. Цель такого рода деятельности - достижение определенного равновесия во взаимодействии со средой, обеспечивающего “выживание” индивида. Формулировка цели в предельно абстрактных понятиях влечет за собой целый ряд исследовательских вопросов. Что считать равновесным состоянием? Каковы эмпирические признаки этого равновесия? Каковы главные изменения в социальной среде, к которым индивидам надо “приноровиться”? Ответы на эти вопросы достаточно сложны. Вместе с тем бесспорно одно: целый ряд экономических преобразований, проведенных в нашей стране, кроме всего прочего привел к резкому повышению стоимости жизни. В этой связи цель адаптивного поведения, как вызов на изменение среды, - достижение определенного материального положения, способного обеспечить удовлетворение насущных физиологических и социальных потребностей.

Конечно, спектр целей адаптивного поведения различных социальных слоев российского общества гораздо шире. Это и реализация своих способностей, умений, и желание более полно использовать “открывшиеся” возможности для удовлетворения быстро растущих запросов, и удовлетворение потребности в риске, испытании себя. В то же время понятно, что желание достижения определенного материального статуса в кризисной ситуации, в период его резких реальных и потенциальных колебаний, является достаточно универсальным, характерным для абсолютного большинства населения страны.

Средствами выступают конкретные формы поведения или определенные поведенческие стратегии, посредством которых и происходит достижение цели.

Результатом здесь является степень успешности этой деятельности, понимаемая как степень достижения цели, то есть степень достижения желаемого уровня материальной обеспеченности.

В соответствии с выделенной структурой объекта типологии нами были взяты следующие **типообразующие** признаки.

1.Наличие (или отсутствие) конкретных форм адаптивного поведения:

- поиск другой постоянной работы;
- поиск работы по совместительству, подработок;
- попытка открытия своего дела;
- получение образования для новой профессии;
- смена профессии;
- повышение квалификации;
- расширение своих служебных обязанностей, взятие “на себя” работы других.

При этом подчеркнем, что для исследователей был важен, прежде всего, **не столько результат конкретной поведенческой формы** (“нашел другую постоянную работу”), сколько **сам факт ее существования** (“искал другую постоянную работу”).

2. Уровень материальной обеспеченности в ее субъективной форме, то есть отнесение себя респондентом к той или иной группе:

- полностью обеспеченных;
- обеспеченных почти полностью;
- более или менее обеспеченных;
- малообеспеченных;
- бедствующих.

Выбор нами **субъективной оценки** людьми своего материального положения, а не его объективного состояния (уровень доходов на одного члена семьи) в качестве типобразующего признака имеет принципиальный характер. Дело здесь не только в том, что измерение материального положения в опросах через объективный показатель - уровень доходов - не всегда дает достоверную информацию. Дело в другом, на наш взгляд, только **восприятие** своего материального положения как оптимального, устраивающего, соответствующего уровню запросов и притязаний, (или неоптимального, не обеспечивающего запросы индивида) выступает определенным результатом, своеобразной “вехой”, некоей точкой, фиксирующей состояние индивида на пути его адаптации к изменяющейся социально-трудовой сфере. Именно **оценка своего материального положения**, вбирающая в себя степень удовлетворения собственных запросов и притязаний, и представления о социальной норме, выступает, как правило, стимульной ситуацией, побуждающей человека к дальнейшим действиям на рынке труда, в собственной организации и т.д.

Выделенные нами типобразующие признаки являются попыткой решения важной **методологической** проблемы. Дело в том, что исследователь, пытающийся в одном отдельно взятом исследовании изучить уровень “вписанности” населения в меняющуюся социальную реальность, неизменно сталкивается с необходимостью поиска “унифицированных” показателей, или,

как в нашем случае, “унифицированных” типобразующих признаков. Между тем, ясно, что реальные изменения в социально-экономической сфере **в разной степени** затронули положение различных социальных слоев. В самом деле, вряд ли идентичны социальные ситуации, в которых в ходе экономических преобразований в стране оказались работники “успешных отраслей” - нефтехимической, электроэнергетической, например, и работники оборонной промышленности. Первые- практически не почувствовали “бури”, успешно “плывя” дальше. Вторые, напротив, оказались на мели.

Определенные различия стимульных ситуаций, в которых оказались индивиды, предполагают и различия в формах реагирования на эти изменения социальной среды, что и создает методологические трудности эмпирического анализа процесса адаптации.

Мы полагаем, “что уровень успешности”, и “наличие (или отсутствие) адаптивных форм поведения” как типобразующие признаки достаточно **универсальны** и в полной мере охватывают различные социальные ситуации постсоветского экономического пространства. В рамках нашего подхода были выделены четыре типологические группы, различающиеся по уровню “включенности” в адаптивный процесс в социально-трудовой сфере:

- успешные адаптанты;
- успешные дезадаптанты;
- неуспешные адаптанты;
- неуспешные дезадаптанты.

Формирование этих групп можно представить схематически следующим образом (см. схему 1).

<i>Наличие форм адаптивного поведения</i>	
<i>неуспешность</i>	<i>успешность</i>
неуспешные адаптанты	успешные адаптанты
неуспешные дезадаптанты	успешные дезадаптанты
<i>отсутствие форм адаптивного поведения</i>	

Схема 1.

Кратко остановимся на результатах первого этапа исследования.¹ В целом по Самарской области доля **адаптантов** по результатам исследования составляет 46,5%, при этом доля успешных - 27,3%, неуспешных - 19,2%. Удельный вес **дезадаптантов**, то есть людей, не предпринимавших каких-либо действий для улучшения своего материального положения, составляет 53,5%. При этом удельный вес **неуспешных дезадаптантов** составляет 23,8%.

Понятно, что каждая из выделенных типологических групп имеет собственное социально-демографическое “лицо”, то есть характеризуется преимущественной представленностью тех или иных социально-демографических групп населения области. Для определения такого “лица” в исследовании был использован **метод структурных коэффициентов**, в рамках которого сравниваются доли определенной социально-демографической группы в общем массиве опрошенных и в конкретной типологической группе. Значение структурного коэффициента¹ больше 1 означает, что

¹ На этом этапе с помощью полужоформализованного интервью было опрошено 1162 жителя Самарской области, отобранных методом квотного отбора.

данная конкретная социально-демографическая группа **преимущественно** представлена в данной типологической группе, является чертой ее своеобразия.

Использование метода структурных коэффициентов позволило выявить следующее: три выделенные нами группы характеризуются **довольно однозначным, четко выраженным** социо-демографическим лицом. В то же время **четвертая группа “успешных дезадаптантов”** такой однозначности не имеет и фактически включает в себя три равно представленные подгруппы.

Так, группа “успешных адаптантов” представлена, прежде всего, предпринимателями и управленцами разных уровней. У этой группы- преимущественно мужское и очень молодое лицо: преобладают здесь довольно молодые жители Самарской области (18-25 лет) с достаточно высоким уровнем образования и высокими и очень высокими (более 4000 р. в месяц на одного члена семьи) доходами.

Группа “неуспешных адаптантов” представлена, прежде всего, **специалистами-гуманитариями**. Это те учителя, работники культуры, преподаватели высшей школы, которые предпринимают реальные шаги по “выживанию”, но так и не могут существенно изменить свою личную жизненную ситуацию к лучшему. Здесь нет ярко выраженного гендерного лица: и мужчины, и женщины представлены в равной степени. Лидирующий возраст - 41-50 лет. Образовательный уровень очень высок: преобладают специалисты с высшим образованием.

Группа “**неуспешных дезадаптантов**” имеет, прежде всего, “пензионерское” лицо, то есть представлена преимущественно

¹ Величина структурного коэффициента рассчитывалась как **отношение** доли конкретной социально-демографической группы в объеме опрошенных определенной типологической группы к доле этой группы в общем объеме опрошенных.

людьми, чьи социальные и психофизиологические ресурсы для “вписывания” в меняющуюся социально-экономическую действительность, как правило, ограничены. Такой характер этой группы определил, в основном, и другие ее социально-демографические параметры: низкий уровень образования, низкий доход.

Сложная группа “**успешных дезадаптантов**” оказалась состоящей из трех подгрупп.

1. Предприниматели, чей пик активности пришелся на ранние годы перестроечного периода. Сегодня они уже обеспечили себе надежное существование, не требующее от них адаптивных действий. Их можно было бы назвать “**постадаптантами**”.
2. Домохозяйки, жены “успешных” мужей, для которых не существует стимульной ситуации “выживания”, требующей определенных действий.
3. Технические специалисты, работающие на довольно стабильных, успешных предприятиях, которых серьезно не коснулись преобразования в социально-экономической сфере. Фактически у них тоже не было “стимульной ситуации”, побуждающей к активным действиям на рынке труда.

Вторую и третью составляющие этой группы можно было бы назвать “**аугадаптантами**”.

Итак, использование типологического анализа как исследовательской стратегии **на первом этапе исследования** позволило нам представить население Самарской области как совокупность определенных типологических групп, различающихся по уровню и результату процесса социально-экономической адаптации, определить количественную представленность этих групп, описать их социально-демографические параметры.

На втором этапе в соответствии с другой задачей исследования - **определение спектра факторов, обуславливающих успешность социально-экономической адаптации**, нами использовалась качественная методология социологического исследования.

Наиболее адекватным этой задаче, на наш взгляд, было применение метода **нарративного интервью** в рамках стратегии “дна” и “элиты”. Нами изучались жизненные истории полярных типологических групп: “успешных адаптантов” (15 человек) и “неуспешных дезадаптантов” (15 человек). Формирование групп происходило достаточно сложно: часть людей подбиралась из числа тех респондентов, которые уже опрашивались на первом этапе исследования. Для них участие в нарративном интервью было повторным участием. Другая часть подбиралась из новых потенциальных участников согласно требованиям “входного контроля”- с соответствующими значениями типобразующих признаков, позволяющими отнести их к требуемым типологическим группам.

Особенно трудным был подбор “неуспешных дезадаптантов”. Дело в том, что преобладающую часть группы, как было показано ранее, составляют пенсионеры. Вместе с тем, мы решили не опрашивать пенсионеров, ибо причины их дезадаптации известны и не нуждаются в специальном изучении. Наиболее интересной в научном и практическом плане является, как раз, та часть этой типологической группы, которая, в отличие от пенсионеров, обладая определенными социальными и психофизическими ресурсами (достаточно молодые и здоровые), тем не менее не реализует их в полной мере в социально-экономической сфере. Процесс подбора именно таких людей для нарратива осложнялся еще и тем, что люди, осознающие свою неуспешность, не очень-то склонны рассказывать о своей жизни, видимо, срабатывает механизм психологической защиты.

Нарративные интервью записывались на диктофоны и транскрибировались, полученные тексты нарративов анализировались с помощью “grounded theory”. Следует сказать, что согласно видению ее автора, Страусса [8], этот способ перехода от “сырых” данных к обобщениям, то есть способ построения *mini* - теории, претендующей на **познание типического**,

используется применительно к методу свободного интервью. При этом, “grounded theory” выступает **стратегией исследования, определенным образом организующей процедуру сбора информации и ее анализа**. По Страуссу исследователь в процедуре **каждого последующего интервью** строит логику своей беседы с информантом таким образом, чтобы уточнить те коды, то есть те мини- обобщения, которые появились в результате обработки **предыдущего интервью**. Новая информация может подтверждать уже произведенные исследователем обобщения или противоречить им. В случае противоречия исследователь вновь обращается к предыдущему тексту и пересматривает ранее полученные коды в контексте **новой** информации. Термин “grounded theory” следовало бы перевести с английского как “укорененная теория”, то есть теория, корнями уходящая в первичный текст, “вырастающая” из него.

В нашем исследовании “grounded theory” была использована несколько в другой, **отличной от Страусса, логике**: она не корректировала направленность и содержание **процесса сбора последующей информации** - процедура нарративного интервью в принципе это не позволяет. Мы использовали ее для работы с уже готовыми текстами, полагая, что главную идею этой техники можно сохранить и здесь: **идею соотношения первых кодов и категорий первого текста** с первичной информацией **последующего текста** с целью выявления тех кодов, которые верны для ряда случаев и могут претендовать на статус категорий. Правда, для этого необходимо было прежде осуществить **открытое и осевое кодирование** каждого из последующих нарративных интервью для получения “эмпирически насыщенных” категорий.

В полном соответствии с концептуально - индикаторной моделью, лежащей в основе “grounded theory”, в рамках открытого, а затем и осевого кодирования, нами, членами группы аналитиков, построчно “line by line” писались “мемосы”, позволяющие концептуально направлять процедуру формирования категорий.

Следует подчеркнуть, что мы использовали процедуру **детального кодирования**, как наиболее эффективную для построения теоретических обобщений, в отличие от **поверхностного подхода**, где “данные достаточно бегло просматриваются и на основе этого производится импрессионистский (на основе воображения) кластер категорий” [8, с. 27]. Процедура эта весьма трудоемка и заняла у нас несколько месяцев.

Группу аналитиков, обрабатывающих тексты нарративов, составляли студенты и аспиранты социологического факультета СамГУ, часть из которых активно участвовала в процедуре сбора информации. Другие вошли в исследовательскую группу только на этапе анализа полученной информации. Такое сочетание “включенных” и “отчужденных” аналитиков в одной аналитической группе было весьма плодотворным. “Отчужденные” аналитики, обрабатывая тексты чужих интервью, не слишком “вживались” в роль, имея возможность “концептуального отстранения” [8, с. 29]. Аналитики - участники поля, погруженные в материал, имеющие опыт данного исследования, напротив, соотносили возникающие коды и их смыслы со своим знанием конкретной ситуации.

Содержательно на этом “качественном” этапе исследования нами ставились две группы исследовательских вопросов.

1. Есть ли что-то сходное (типичное) в жизненных историях, социальных ситуациях **людей, удачно “вписавшихся”** в новые социально-экономические условия? И если эти черты все же существуют, то каковы они? Есть ли что-то сходное в индивидуально-психологических особенностях этих людей? И если эти черты все-таки существуют, то каковы они? Каковы сходные (типические) черты социальных ситуаций, индивидуально-психологических особенностей **другой полярной социальной группы** - не предпринимавшей сколько-нибудь значимых усилий для изменения своей жизненной ситуации к лучшему (“неуспешных дезадаптантов”), если таковые, конечно, есть?

2. Чем различаются эти две полярные группы? В чем именно проявляются эти различия?

Размеры статьи не позволяют подробно остановиться на результатах этого этапа исследования. Тем не менее, попробуем бегло их охарактеризовать. Все выявленные факторы можно представить, по нашему мнению, тремя группами: **социальные, личностные и индивидуально-психологические**. При этом, часть факторов носит симметричный характер- для двух рассматриваемых типологических групп характерны их противоположные значения. Другие- асимметричны, то есть они характерны лишь для одной группы, в то время как в полярной типологической группе они просто отсутствуют.

Итак, в группу выявленных **социальных** факторов вошли следующие:

- уровень и качество образования (симметричный фактор)
- устойчивые социальные связи, прежде всего, связи “однокашников” и “комсомольская солидарность” (асимметричный фактор - присутствует лишь в группе “успешных адаптантов”)
- наличие социального опыта в юности, связанного с востребованностью организаторских качеств, а также с состязательностью, сравнением себя с другими (асимметричный фактор- в группе “неуспешных дезадаптантов” этот опыт отсутствует);
- адаптивный опыт вхождения в различные коллективы (симметричный фактор- группа “успешных адаптантов” характеризуется богатым опытом такого рода, противоположная - небогатой)

Личностные факторы представлены различной структурой ценностных ориентаций и, прежде всего, местом ценностей “работа”, “материальное благополучие” в системе ценностных ориентаций выделенных типологических групп. Различны и смыслы этих ценностей в них.

Материальный достаток, например, выступая значимой ценностью в обеих группах, наделяется в них различными

смыслами. В группе “успешных” материальный достаток - не только средство удовлетворения широкого круга запросов, но и средство самоутверждения, мерило жизненного успеха, обеспечивающее определенный статус. В противоположной группе деньги оцениваются лишь как средство “выживания” по шкале “много-мало”.

В первой группе очень высока ценность работы, в то время как другие ценности: семья, счастливая супружеская жизнь, здоровье резко уходят на второй и третий планы. Работа выступает здесь важнейшей сферой человеческой жизни (“это не работа вовсе, я здесь живу”). Работа здесь не только средство к существованию, но и сфера реализации своих способностей, самоутверждения себя.

Во второй типологической группе – “неуспешных дезадаптантов”, по данным анализа, важнейшие ценности – семья, семейное благополучие. Именно они определяют тактику поведения в сфере занятости: выбор конкретного места работы, решение об увольнении, и т.д.

Анализ нарративов показал высокую значимость ценностей свободы, независимости, самостоятельности в группе “успешных” в социально-экономическом плане людей. В полярной группе эти ценности практически отсутствуют.

Среди **индивидуально-психологических** факторов, во многом определяющих успешность социально-экономической адаптации, были выделены следующие: оптимизм, умение найти положительные моменты (компенсаторы) даже в неблагоприятной ситуации, сильная воля, решимость, умение постоять за себя, коммуникабельность. Это, в основном, асимметричные факторы: присутствуя в первой группе, они практически отсутствуют во второй.

Представленным в группе успешных оказался и фактор, который мы назвали “открытостью к новому”, который оказался тесно связан с такими субкатегориями как “готовность к риску”,

“тяготение рутиной”, “стандартной ситуацией”. Фактор этот является симметричным: в полярной группе наблюдается боязнь “нового”, тяготение к “нормальности”, понимаемое как следование традициям, раз и навсегда заведенным нормам.

В целом рефлексия по поводу второго этапа нашего исследования привела нас к постановке целого ряда методолого-методических проблем. В частности, где та грань процесса восхождения от первичных данных к обобщенным, в рамках “grounded theory”, когда можно сказать, что категория состоялась, то есть, что полученное обобщение может претендовать на статус теоретической категории? Или, поскольку нарратив, его конкретное содержание есть во-многом результат коммуникации, то каждый информант в принципе может “выдавать” целый ряд жизненных историй, в которых его жизненный опыт по-разному организуется, то есть может “выдавать” нарративы-черновики. Но тогда, что мы анализируем? Впрочем, все это скорее тема уже другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова О.М.* Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола)//Социология: методология, методы, математические модели, 1995. №5-6.
2. *Демин А.Н.* О совмещении количественного и качественного подхода в одном исследовательском цикле//Социология: методология, методы, математические модели, 1999. №11.
3. *Вардوماцкий А.П.* Аксиобиографическая методика//Социологические исследования, 1991. №7.
4. *Ванина О.Н.* Экономические стереотипы россиян в постсоветский период: социологический анализ//Трансформация социального пространства в посткоммунистических странах и новые подходы в социальных науках. Самара, 1998.
5. *Гордон Л. А.* Социальная адаптация в современной России// Социологические исследования, 1995. №8.
6. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии. М.:Наука, 1993.

7. *Корель Л.В.* Социология адаптаций. Этюды апологии. Новосибирск, 1997.
8. *Strauss A.* Qualitative Analysis for social scientists. Cambridge University Press, 1987.